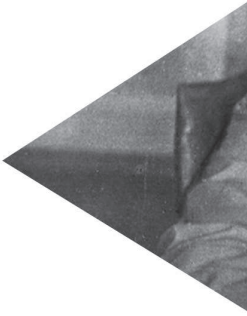

ИСТОРИЯ СКВОЗЬ ВРЕМЯ

*Ленинизм есть вождизм нового типа,
он выдвигает вождя масс, наделенного
диктаторской властью... Сталин будет
законченным типом вождя диктатора.*

Н.Бердяев

Дмитрий ВОЛКОГОНОВ

СТАЛИН

Издательство АСТ
Москва

УДК 82-94
ББК 93/94
В 67

Дизайн серии *Владислава Воронина*

Фотография на обложке *Георгия Петрусова / РИА Новости*
предоставлена ФГУП МИА «Россия сегодня»

Волкогонов, Дмитрий Антонович
В 67 Сталин / Дмитрий Волкогонов. — Москва: Издательство АСТ,
2023. — 960 с. : ил. — (История сквозь время).

ISBN 978-5-17-157992-0

Дмитрий Волкогонов — историк, философ, политолог и политик.

Перед вами — главная книга о Сталине, которая разошлась миллионными тиражами и была переведена на десятки языков. Это честный и беспристрастный взгляд на великую эпоху зарождения социализма, на феномен Вождя. Автор показывает, как триумф одного человека обернулся трагедией для великого народа. «Сталин не ушел в прошлое — он растворился в будущем», — говорил Шарль де Голль.

После кончины Ленина Иосиф Виссарионович правил страной около тридцати лет и сделал ее мощной супердержавой.

Сталин, пожалуй, одна из наиболее спорных исторических фигур, оказавших беспрецедентное воздействие на судьбу нашей страны. Почему именно он вознесся в переломное для СССР время на вершину политического олимпа? Являлся ли он продолжателем «дела Ленина» или, наоборот, отступился от революционных идеалов? Что он сделал для Великой Победы? Тоталитаризм и диктатура кроются в характере Сталина или в специфике самой исторической обстановки? Об этом и о многом другом расскажет книга Д.А. Волкогонова.

УДК 82-94
ББК 93/94

ISBN 978-5-17-157992-0

© Волкогонов Д.А., наследники, 2023
© РИА Новости
© ООО «Издательство «АСТ», 2023

Вместо введения ФЕНОМЕН СТАЛИНА

*...Перед наступлением эпохи Духа человек
должен пройти через сгущение тьмы, через
ночную эпоху.*

Н. Бердяев

Сталин умирал. Лежа на полу столовой на даче в Кунцево, он уже не пытался встать, а лишь изредка поднимал левую руку, словно прося у людей помощи. Полуприкрытые веки вождя не могли скрыть отчаяния взгляда, обращенного к входной двери. Губы немом рта беззвучно и слабо шевелились. Уже прошло несколько часов после удара. Но никого рядом со Сталиным не было. Наконец, обеспокоенные долгим отсутствием признаков жизни за окнами особняка, в столовую несмело вошли его телохранители. Однако они не имели права немедленно вызвать врачей. Один из самых могущественных людей за всю человеческую историю не мог на это рассчитывать. Нужно было личное распоряжение Берии. Его долго ночью искали. Но тот посчитал, что Сталин просто крепко спит после плотного ночного ужина. Лишь через десять — двенадцать часов перепуганные медики были привезены к умирающему вождю.

Сам факт такой смерти глубоко символичен. Ирония судьбы оказалась жестокой. Агонизировавший несколько десятков часов вождь в нужную минуту не смог получить помощь. И это он, почти земной бог, способный несколькими словами переместить миллионы людей с одного края страны на другой! Бюрократический «порядок», созданный им, сделал и самого вождя своим заложником. Медленно угасавшее сознание Сталина еще могло оценить по достоинству степень косности существующей системы, которую он так долго создавал.

Невидимую черту, отделяющую бытие от небытия, можно перешагнуть только в одном направлении. Даже вожди вернуться обратно не в состоянии. Едва ли Сталин знал, что ему предстоит не только смерть физическая, но и смерть политическая. Его кончина казалась для современников глубокой трагедией. Они не думали тогда, что именно этот человек относился к гибели миллионов людей лишь как к казенной сфере закрытой статистики. После своей смерти Сталин оставил в наследство потомкам не просто долгое занятие — разбираться, что он создал, но и ожесточенные споры о «загадке» его судьбы. А она есть прежде всего «загадка» исторической неудачи социализма, который сразу после революции пошел по тоталитарной тропе. Смерть не стала оправданием Сталина. Все его

свершения, деяния и преступления отданы на суд истории. Мифы рушатся. Но окончательно их развеять можно только правдой.

Все о себе знал только он сам. Сталин не любил полутонов: или белое, или черное. Несомненно, он заботился о том, чтобы в его биографии для потомков господствовали только светлые тона. Не знаю, подозревали Сталин о существовании в Древнем Риме «Закона об осуждении памяти», согласно которому все, что не устраивало очередного императора, предписывалось предавать забвению. Однако этот закон, мы знаем, лишь подчеркнул тщетность попыток регламентировать человеческую память. Она, память, живет (или умирает) совсем по другим, своим законам. История «делается» всегда сразу, набело. Черновики у нее не бывает. Прожитое, бывшее, минувшее можно «прокрутить» назад, как киноленту, только в сознании, мысленно. Это Сталин понимал, поэтому очень заботился о том, чтобы в этой «хронике» не было ненужных кадров. Люди знали о нем лишь то, что хотел он сам.

К сожалению, многие детали, факты, явления с течением времени безвозвратно утрачиваются. А забвение — это пропасть истории. Вдумайтесь: на Земле до нас жили 70–80 миллиардов человек. При всем желании в памяти человечества невозможно восстановить даже имена (не судьбы!) большей части этих призрачных миллиардов теней. Пропать истории бездонна. Однако сквозь ячеи гигантской сети памяти, натянутой над бездной забвения, «проваливаются» не все. Такие люди, как Сталин, независимо от характера отношения к нему ныне живущих, имеют шанс остаться в анналах цивилизации, куда она будет существовать. В этом смысле время — лучший биограф. Оно всегда дает оценку более однозначно.

Сейчас, в 80-е годы, когда проснулся невиданный интерес к подлинным страницам отечественной истории, общество оказалось серьезно расколотым по вопросу оценки роли Сталина. Но если вдуматься, то не Сталин сейчас находится в фокусе исторического интереса. Просто Сталин символизирует все то, что уценено историей. В центре интереса — наши судьбы, наша боль, горестное недоумение: как могло появиться и существовать то, что мы называем сегодня сталинизмом. И если бы понадобилось выразить отношение людей к этой личности с помощью эпиграфии, то, думаю, их было бы множество. На одном полюсе можно было бы выбить примерно такую: «Ошибки твои известны. Заслуги твои бесспорны». На противоположном: «Преступлениям твоим нет прощения. Тяжек груз твоего “наследия”». По мере высвечивания истиной сложнейшей диалектики прожитых лет, получения возможности без шор взглянуть в глаза прошлому, нынешняя «расколотость» общественного мнения будет постепенно исчезать. Нет, не в направлении формирования некоей «средней» позиции, а в русле максимального постижения истины. Истина не должна быть роскошью. Когда она станет нашей интеллектуальной сутью, то не останется места дуализму и во взглядах на феномен Сталина.

История многократно доказала, что попытки людей еще при жизни соорудить себе памятники бесплодны, эфемерны, призрачны. Право истории на то, в «каком свете» сохранить память о той или иной личности, — абсолютно. Еще Г.В. Плеханов в своей блестящей работе «К вопросу о роли личности в истории»

убедительно показал диалектическую зависимость исторической оценки человека от его реального вклада в общественное развитие. Но из этого, конечно, не следует, что лишь исторические личности оставляют свои следы на пыльных ступенях пирамиды прогресса. История — не просто чередование эпох и времен. Это и бесконечная галерея исторических портретов людей, прошедших по земле. Не все они равноценны, равнозначны, но каждый из них занимает свое место. Правда, не всем и не всегда они видны для обозрения. Об этом особо следует сказать и потому, что на протяжении целых десятилетий наша отечественная история выглядела «обезлюдившей», как полуночная улица. Многие исторические персонажи, события, факты, процессы как бы подпадали под действие древнего «Закона об осуждении памяти». Но такое умолчание рано или поздно напоминает о себе громким, а то и яростным криком.

Сегодня идет не только мучительный процесс демонтажа тоталитарной системы и создания демократического общества, но и восстановления прошлого. И, пожалуй, в начале этого процесса интеллектуальным и эмоциональным эпицентром общественного интереса к прошлому стала фигура Сталина. И хвалы и хулы на его долю выпало столько, что хватило бы на целый легион исторических деятелей. Но постепенно откровенных апологетов диктатора остается все меньше и меньше.

«Путешествие» в будущее — трудно, зыбко. Путешествие в прошлое — не легче. Это всегда, как метко заметил Л. Фейербах, — «укол в сердце», тревожащий, волнующий. Всматриваясь в расплывающиеся образы прошлого, мы видим, что Сталин — одна из самых кровавых личностей в истории. Такие люди, хотим мы того или нет, принадлежат не только прошлому, но и настоящему и будущему. Их судьба вечная мировоззренческая пища для размышлений о бытии, времени и совести. Один из выводов, напрашивающихся уже в начале исследования о Сталине, заключается в том, что жизнь этого человека, как в фокусе, высвечивает сложнейшую диалектику своего времени. История не бывает без зигзагов. Появление такого человека, как Сталин, во главе партии, а фактически и народа, завершило процесс сползания победившей русской революции на рельсы бюрократического тоталитаризма.

Партия, потеряв Ленина в критический момент исторического выбора путей и методов социалистического строительства, попала в полосу ожесточенной междоусобной борьбы. «Ленинская гвардия», выдвинув нового вождя, оказалась не на высоте, не разглядев в Сталине человека, опасного для еще не окрепшего народовластия. А это привело к тому, что диктатура пролетариата все больше оборачивалась только стороной карательной. Сегодня мы знаем, что Сталин не был бы тем Сталиным, портрет которого автор попытается написать, если бы он не использовал насилие как важнейший инструмент для достижения политических целей. Насилие фактически стало одним из решающих средств реализации социально-экономических планов и программ. Такой поворот в политическом курсе, начатый еще в начале 20-х годов и особенно рельефно проявившийся после XVII съезда партии, повлек за собой полосу горьких лет, окончательно и трагически погубивших революционную идею создания спра-

ведливого социалистического общества. Не случайно поэтому оценки личности Сталина претерпели кардинальные изменения по мере высвечивания истиной исторической правды. Приведу для начала две выдержки.

Вот пространная цитата из Приветствия ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР в связи с 70-летием со дня рождения Сталина (1949 г.). «Вместе с Лениным ты, товарищ Сталин, был вдохновителем и вождем Великой Октябрьской социалистической революции, основателем первого в мире Советского социалистического государства рабочих и крестьян. В годы гражданской войны и иностранной интервенции твой организаторский и полководческий гений привел советский народ и его героическую Красную Армию к победе над врагами Родины. Под твоим, товарищ Сталин, непосредственным руководством была проведена огромная работа по созданию национальных советских республик, по объединению их в одно союзное государство — СССР... В каждое преобразование, большое или малое, поднимающее нашу Родину все выше и выше, ты вложил свою мудрость, неукротимую энергию, железную волю. Наше счастье, счастье нашего народа, что Великий Сталин, являясь руководителем партии и государства, направляет и вдохновляет творческий созидательный труд советского народа на процветание нашей славной Родины. Под твоим водительством, товарищ Сталин, Советский Союз превратился в великую и непобедимую силу... Все честные люди на земле, все грядущие поколения будут славить Советский Союз, твое имя, товарищ Сталин, как спасителя мировой цивилизации от фашистских погромщиков... Имя Сталина — самое дорогое для нашего народа, для простых людей во всем мире».

А вот другая оценка. В знаменитом драматическом докладе Н.С. Хрущева, сделанном им в ночь с 24 на 25 февраля 1956 года, «О культе личности и его последствиях» говорилось: «Сталин создал концепцию «врага народа». Этот термин автоматически исключал необходимость доказательства идеологических ошибок, совершенных отдельным человеком или же группой лиц. Эта концепция сделала возможным применение жесточайших репрессий, нарушающих все нормы революционной законности, против любого, кто не соглашался со Сталиным по безразлично какому вопросу, против тех, кто только лишь подозревался в намерении совершить враждебные действия, а также против тех, у кого была плохая репутация. Концепция «враг народа», сама по себе, практически исключала возможность возникновения какого-либо рода идеологической борьбы или же возможность выражения собственного мнения по тому или иному вопросу даже в том случае, если этот вопрос носил не теоретический, а практический характер. Главным и на практике единственным доказательством вины, что противоречит всем положениям научной юриспруденции, было «признание» самого обвиняемого в совершении тех преступлений, в которых он обвиняется. Последующая проверка показала, что такие «признания» добывались при помощи применения к обвиняемому методов физического насилия.

Это привело к неслыханному нарушению революционной законности, в результате чего пострадало много абсолютно ни в чем не виновных людей, которые в прошлом защищали проводимую партийную линию».

Всего несколько лет разделяют эти выводы и оценки, сделанные фактически одними и теми же людьми. В первом случае — безудержная апологетика восхваления. Думаю, что у авторов поздравления просто не было в запасе больше слов превосходной степени, чтобы увенчать ими земного бога... Во втором акцент сделан на том ущербе, который нанес нашему народу, партии, гуманистическим идеалам культ личности Сталина. Его деяния характеризуются по сути преступными. И это говорится о человеке, более тридцати лет возглавлявшем партию, страну, народ! Правда, скажем сразу, вопрос об ответственности за содеянное значительно сложнее. Разве не повинно ближайшее окружение Сталина? Разве государственные и общественные институты страны оказались на высоте в деле социальной защиты своих граждан от беззакония? А в широком плане: все ли сделали те, кто так или иначе влиял на судьбы других людей? Мудрость истории нам напоминает: у истинной совести всегда есть шанс. Но главную историческую ответственность должна нести тоталитарная система.

Начавшееся после XX и XXII съездов партии общественное прозрение в оценке деятельности Сталина, других исторических лиц затем, к сожалению, замедлилось, и, более того, стали предприниматься шаги для реанимации Сталина как политического деятеля. Без полной правды и философского осмысления всего, что сопутствовало культу личности, сегодня невозможен успешный анализ и других периодов нашей истории и более ранней, и более поздней. История не только врачует, но и причиняет боль в процессе горьких откровений. Суд совести всегда очищает. В самые трагические моменты советский народ действовал подвижнически и самоотверженно. Каждое поколение внесло свой вклад в создание наших материальных и духовных ценностей, сохранение подспудной веры в неизбежность очищения и исторического обновления.

При упоминании имени Сталина в памяти у многих людей сегодня прежде всего всплывает трагический 1937 год, репрессии, попрание человечности. Хотя, если быть точным, 1937 год начался, пожалуй, 1 декабря 1934 года, в день убийства С.М. Кирова, а может быть, его контуры забрезжили еще в конце 20-х годов? С ведома Сталина начал быстро зреть чудовищный нарыв беззакония. Да, все это было. Виновным за эти преступления нет прощения. Но мы помним, что в эти же годы взметнулся Днепрогэс, Магнитка, трудились Папанин, Ангелина, Стаханов, Бусыгин... Именно на эти годы приходится взлет патриотизма советских людей, достигший своего апогея в годы Великой Отечественной войны. Поэтому ошибочно, видимо, с политической и гносеологической точек зрения, нечестно в моральном отношении, осуждая Сталина за преступления, полностью отрицать реальные достижения социализма, его возможности. Все это удалось реализовать на практике не благодаря, а вопреки сталинской методологии мышления и действия. В условиях демократии достижения могли быть неизмеримо более весомыми. Разумеется, мы не должны, оценивая Сталина или лиц из его ближайшего окружения, механически переносить эти оценки на миллионы простых людей, вера которых в истинность революционных идеалов не была поколеблена трагическими испытаниями.

Неверно оценивать прошлое с арифметических позиций: чего больше было у Сталина — заслуг или преступлений. Сама постановка такого вопроса безнравственна, ибо никакие заслуги не оправдывают бесчеловечности. И о каких «заслугах» может идти речь, если по вине этого человека погибли миллионы людей? Сегодня ясно, что это был жестокий деспот, который с помощью насилия добился отчуждения народа от власти, породил симбиоз устойчивой бюрократии и догматизма. Вопрос значительно сложнее: в постижении истоков, причин возникновения тоталитаризма. Как могло случиться, что великое сожительствовало с низким, зло камуфлировалось под добро? Почему произошло социальное перерождение многих людей? Была ли неизбежной трагедия? Эти и многие другие вопросы часто поднимаются на страницах нашей печати, отражая процесс заметного повышения политической и исторической культуры советских людей, который мы отмечаем в последние годы. В ряде случаев, особенно у молодых людей, схематично знающих свою историю, от полярно противоречивых суждений, субъективистских оценок рождается интеллектуальное смятение, способное породить социальный нигилизм и неуважение к общечеловеческим ценностям. Лучшим средством утоления жажды познания является постижение истины. Какой бы горькой она ни была. Ведь, как писал В.И. Ленин, особо «страшны иллюзии и самообманы, губительна боязнь истины». Хотя именно он сам часто создавал эти «иллюзии» и «самообманы».

Научная методология анализа соотношения народных масс и личности в истории, их роли в общественном прогрессе и народовластии — исходная позиция в создании философского, политического портрета Сталина. В книге внимательно будут проанализированы ленинские документы, известные как «Завещание». Сталин всю жизнь помнил не только то, что В.И. Ленин в своих записках к съезду в декабре 1922 года назвал его и Троцкого «выдающимися вождями», но и обжигающую в своей откровенности и глубине оценку всей его сложной натуры, особенностей тяжелого характера. Он не мог забыть и о том, что Ленин назвал Бухарина «любимцем партии». Внимательное изучение сталинских выступлений показывает, что генсек неоднократно, но предельно осторожно, витиевато, иносказательно оспаривал эти ленинские оценки. Например, мысленно полемизируя с Лениным, он однажды сказал в своей речи, что Бухарина мы любим, но истину, но партию, но Коминтерн любим еще больше. В этой фразе едва ли не весь Сталин: преданный делу (как он его понимал!), но хитрый и изощренный. Ленинский вывод о том, что «Сталин слишком груб», генсек истолковал, что он «груб лишь для врагов»...

В последние годы у нас написаны и изданы политические биографии многих исторических деятелей — Цезаря, Наполеона, Черчилля, де Голля, Мао Цзэдуна, других лиц, навсегда оставшихся в истории. Выпущена и книга о Гитлере. Но политической биографии И.В. Сталина нет. Хотя за рубежом ему посвящены десятки книг. Правда, как правило, они не основаны на документах. Пробел восполняют многочисленные художественные и исторические публикации об отдельных гранях, сторонах деятельности этого человека. Их появление схоже с эффектом теплого дождя после долгой засухи. Несомненно, появятся

серьезные исследования историков о Сталине, как и о Хрущеве, Брежневе, Горбачеве, других деятелях партии и государства. Я же взял на себя смелость сделать, возможно, лишь философский эскиз политического портрета этой исторической личности. Подчеркиваю: не биографии, а портрета. Это дает возможность и право, широко опираясь на документы и свидетельства, изложить свои взгляды и выводы как о «тайниках» духовного мира Сталина, так и о тех обстоятельствах, которые определяли деяния «вождя». Убежден, что феномен Сталина — не просто случайность. В генезисе его появления находятся социально-политические, экономические и духовные причины.

О личности Сталина не утихают жаркие споры. Одна из причин такого интереса — в том, что жизнь Сталина, по историческим меркам, оборвалась недавно, около четырех десятилетий назад, а значит, его судьба близко сопричастна с судьбами ныне живущих, их близких предшественников. Многие из нас, в известном смысле, из «сталинской» эпохи. Ведь каждый из живущих навсегда прикован к галерее своего времени. Незаживающая рана нашей истории еще долго будет напоминать о себе своей чудовищностью, трудной объяснимостью.

Другая причина неослабевающего интереса к страницам жизни Сталина — в новом осмыслении социальных и общечеловеческих ценностей: социализма, гуманизма, справедливости, исторической правды, нравственных идеалов. Годы сталинщины еще раз показали, что догматизм мышления способен создать иллюзорный философский храм, в котором все должно играть роль вечного. А вечного-то, кроме перемен, пожалуй, и нет ничего. Догматическая слепота опасна, она может идеологию превращать в религию. Догматизм все радости земные переносит в завтра, а завтра — в послезавтра. Долгожданное обновление нашего общества коснулось прежде всего общественного сознания. Не случайно, что главными объектами критики и отрицания стали догматизм и бюрократия, которые мы в значительной мере связываем с годами автократического руководства Сталина.

Наконец, существует еще одна причина (конечно, причин больше) устойчивого интереса к жизни человека, стоявшего более тридцати лет на вершине пирамиды власти. Не рядом с людьми, не среди них, а стоявшего высоко над ними. Советские люди, несмотря на бесчисленное количество хвалебных статей о нем, его портретов, статуй, трудов, фактически ничего не знали о Сталине. «Краткая биография», вышедшая после войны, не имеет авторов, а лишь, как говорится на титуле, составителей: Александров Г.Ф., Митин М.Б., Поспелов П.Н. и другие. Биография, которая редактировалась самим Сталиным, излагает схему героических деяний человека, но сам *человек* в ней полностью отсутствует.

Правда, были попытки написать политический портрет Сталина некоторыми его современниками. В 1936 году вышла книга Анри Барбюса «Сталин». О том, что это за книга, можно судить по любому, даже небольшому фрагменту. Такому, например: «История его жизни — это непрерывный ряд побед над непрерывным рядом чудовищных трудностей. Не было такого года, начиная с 1917-го, когда он не совершил бы таких деяний, которые любого прославили бы навсегда. Это железный человек. Фамилия дает нам его образ: Сталин — сталь». Академик Е.М. Ярославский в 1939 году выпустил книгу «О товарище Сталине», в которой

прежде всего отметил, что писать о Сталине — это значит рассказывать о всех перипетиях борьбы партии в процессе построения социализма в нашей стране. Но в основе книжки — не просто беспредельная гипертрофия, но и чудовищное кощунство. Об этом свидетельствует, например, следующая цитата: «Товарища Сталина в песнях народов певцы сравнивают с заботливым садовником, который любит свой сад, а этот сад — человечество. Самое драгоценное, что есть у нас, — это люди, это кадры. Заботу о людях, заботу о кадрах, о живом человеке — вот что ценит народ в Сталине, вот чему мы должны учиться у товарища Сталина». Карл Радек в книге «Портреты и памфлеты» (1934 г.) посвятил Сталину большую статью, написанную в ключе безудержного восхваления Мессии. Унизительное для Радека славословие в адрес «вождя», между прочим, не спасло автора «Портретов...» от печальной участи. Научная ценность подобных трудов, как и сборников сусальных «воспоминаний» о Сталине, невелика. Они в своем большинстве подчеркивают уродливый характер отношений верноподданничества и лести, насаждавшихся Сталиным и его окружением, особенно после XVII съезда партии.

Человеческая жизнь отгораживает быстро, как северное лето. Она, пожалуй, схожа и с костром: искра, легкие веселые язычки огня, сильный пламень, спокойный жар, слабое мерцание, тлеющие угли, холодный пепел... Человека, великого и невеликого, рано или поздно ждет небытие. А это — ночь, вечная ночь, которая когда-то наступает, и это день, которого уже больше никогда не будет. Эта истина одинаково безжалостна ко всем людям. Сталин это тоже понимал. И он сделал очень многое для того, чтобы потомки после его смерти думали о нем так, как он хотел. К сожалению, не без участия Сталина и помощи его соратников в нашей истории не только много «белых пятен», но и много мест, где страницы в летописи искажены, а то и просто вырваны. Это одна трудность, подстерегавшая автора в его исследовании.

Другая — более общего порядка. Дело в том, что сознание каждого конкретного человека — это целый микрокосм, огромный загадочный мир, который исчезает вместе с его смертью. Мы никогда не узнаем всего о каждом ушедшем в миры иные, но и возможности этого познания — безграничны. О мыслях, размышлениях Сталина говорят не столько его сочинения, письма, записи, резолюции, сколько дела, материализованные в социальной практике, свершения, деяния и, к горечи нашей, преступления. Тайны сознания в этом смысле не столь уж и «таинственны», если видеть, чем они питаются, выражаются и вдохновляются. Окружающий нас многоцветный, многострунный, многострадальный мир человеческого бытия — главный ключ к разгадке тайн сознания человека, в том числе и такого, как Сталин. Хотя порой логика научного анализа поступков Сталина ведет в тупик при объяснении некоторых его действий.

Сталину, например, было известно теплое отношение Ленина к Бухарину. Сталин сам на протяжении многих лет поддерживал с ним и его семьей личные дружеские отношения. Бухарин сыграл немаловажную роль, оказывая помощь Сталину в борьбе с Троцким и троцкизмом. Не мог не видеть Сталин, что совершенно смехотворными выглядели обвинения Бухарина, допустим, в шпионаже, за-

говорах и т. д. Бухарин, при его высокой интеллектуальной культуре, умел уважать аргументы. Хотя и нес на себе печать основных пороков большевизма. И когда он убедился, что его программа, отрицающая форсированное развитие социализма, плохо сопрягается со сталинской концепцией силового решения проблем, он сдался и фактически признал необходимость разумного ускорения. Не просто признал, а активно включился в реализацию партийных установок. Это не помешало, однако, Сталину фактически санкционировать расправу с популярнейшим деятелем партии, близким партийным товарищем... Как можно такое объяснить и понять?! Точнее, объяснить можно, а понять трудно. Таким был Сталин...

Готовясь написать философско-биографический очерк об И.В. Сталине, я как-то незаметно для себя стал интересоваться литературой об Александре Македонском, Юлии Цезаре, Оливере Кромвеле, Иване Грозном, Петре Первом... Меня заинтересовала психология вождей, диктаторов, владык, других правителей абсолютистского типа. И хотя я понимаю, что любые исторические аналогии здесь рискованны, а может быть, и просто ненаучны, одно предварительное суждение хотел бы высказать. Для людей с неограниченной властью, вне демократического контроля, обычны, привычны чувства непогрешимости, личного превосходства, вседозволенности, переоценки собственных способностей и возможностей. Как правило, эти люди, живя среди людей, бесконечно одиноки. Хотя Сталин, как удалось установить, чрезвычайно редко беседовал с кем-нибудь один на один (с ним обычно были Молотов или Каганович, Ворошилов, Маленков, Берия и т. д.), он в душе был всегда одинок. Ему было не с кем соотнести себя, не с кем по-настоящему дискутировать, некому доказывать, не перед кем оправдываться... Одиночество на вершине, леденящая в своей реальности неограниченная власть иссушают чувства, превращают интеллект в холодную счетную машину. Каждый шаг, сразу же становясь «историческим», «судьбоносным», «решающим», исподволь убивает человеческое в человеке...

Одну из своих слабостей он всю жизнь пытался (и не без успеха!) превратить в показатель силы. Еще во время революции, когда нужно было идти на завод, в полк, на уличный митинг — в толпу, у Сталина возникало чувство внутренней неуверенности и тревоги, которое он со временем научился скрывать. Сталин не любил, да, пожалуй, и не умел хорошо выступать перед людьми. Его речь была примитивно ясной, без полета мысли, афористичности и трибунной патетики. Сильный акцент, скованность и монотонность делали его выступления невыразительными. Не случайно Сталин меньше, чем кто-либо другой из ленинского окружения, выступал на митингах, встречах, манифестациях. Он предпочитал готовить директивы, указания, писать статьи, заметки, давать газетные реплики по поводу тех или иных политических событий. Посредственный публицист, он был довольно последователен и неизменно категоричен в своих выводах. В его газетных материалах или свет, или тень. Третьего он не признавал. Латинская ясность была привлекательной чертой его бесхитростных, простеньких статей.

Позже Сталин привыкнет к трибунам съездов и конференций. Но положение его тогда будет уже другим; его негромкий спокойный голос люди будут слушать в звенящей тишине, готовой расколоться, взорваться шквалом апло-

дисментов, переходящих в овацию. Но те речи уже больше будут похожи на культовые обряды всесильного жреца. Сталин свое сдержанное отношение к прямым контактам с массами сделал правилом: он не бывал, за редким исключением, ни на заводах, ни в колхозах, ни в республиках, ни на фронте. Голос «вождя» изредка раздавался на самой вершине пирамиды. У ее подножия со священным трепетом ему внимали миллионы. Свою необщительность и замкнутость «вождь» превратил в атрибут культа и исключительности. Для понимания Сталина следует постоянно иметь в виду: он был великим Мастером выдавать ошибки, просчеты, преступления, зловещие черты своего характера за достижения, успехи, дальновидность, мудрость, постоянную заботу о людях...

В основе моего анализа и выводов лежат ленинские работы, партийные документы, материалы многих архивов: Центрального партийного архива, Верховного суда СССР, Центрального государственного архива Советской Армии, Центрального архива Министерства обороны СССР, Центрального государственного архива Октябрьской революции, архивов ряда музеев и другие. Например, касаясь военной стороны деятельности Сталина, я познакомился со многими интересными, оригинальными, никогда не публиковавшимися документами из архива Министерства обороны СССР. Даже первое знакомство с резолюциями Сталина на военных документах и с воспоминаниями его современников говорит о том, что он отнюдь не всегда верил в то, что провозглашал. Вот пример. Сталин читает проект приговора военной коллегии Верховного суда СССР по делу генералов Д.Г. Павлова, В.Е. Климовских, А.Т. Григорьева, А.А. Коробкова, обвиняемых в «антисоветском заговоре и умышленном развале управления Западного фронта...». «Вождь» не стал читать дальше, а лишь бросил:

— Не городите чепуху...

Тут же зачеркнули «антисоветский заговор», «заговорщицкие цели», «вражескую работу», а написали: «...проявили трусость, бездействие власти, нераспорядительность, допустили развал управления войсками...». Хотя обвинение было по-прежнему несправедливым, а приговор, вынесенный 22 июля 1941 года, предельно жестоким, но «вождь» перед лицом смертельной угрозы стране и ему, Сталину, не захотел больше «играть» в старые игры «заговорщиков».

Вглядываясь в хорошо сохранившиеся строки резолюций Сталина, налагаемых, как правило, красным или синим карандашом, размашисто, разборчиво, думаешь: где глубинные причины иррациональности, жестокости и коварства этого человека? Может быть, в религиозной догматической пище, обильно принятой им на заре жизни? А может быть, в щемящем ощущении своей интеллектуальной недостаточности, которую он чувствовал, слушая на партсъездах в Лондоне, Стокгольме блестящие речи Потресова, Плеханова, Аксельрода, Дана, Мартова? Или истоки этой иррациональности в его ожесточенности, родившейся еще до Октября? Ведь вся его дооктябрьская биография уместается между семью арестами и пятью побегам. С девятнадцати лет он только и делал, что скрывался, выполнял поручения партийных комитетов, арестовывался, менял фамилии, доставал фальшивые паспорта, переезжал с места на место... В тюрьмах долго не задерживался, бежал и снова скрывался. Однако мысль у-

хоть за границу ему не приходила в голову никогда. Сталин, как и большинство наших «вождей», до революции нигде не работал.

Большую помощь в работе над книгой оказали материалы «Правды» за тридцать с лишним лет, журналов «Большевик», «Политработник», других периодических изданий, многие из которых выходили лишь в 20-е годы. Известно, что за рубежом существует целая литература о Сталине. Часть ее — например, работы Джузеппе Боффа, Луи Арагона, Анны Луизы Стронг — написана в основном с близких к объективности позиций. Издаются и переиздаются десятки книг и иного характера, имеющих целью с «помощью Сталина» убить саму идею социализма. Едва ли понимал это сам Сталин, но его собственная практика дискредитации социализма была неизмеримо опаснее, нежели разоблачения Исаака Дейчера, Роберта Такера, Леонарда Шапиро, Роберта Конквиста и других советологов. Представляют определенный интерес свидетельства зарубежных государственных деятелей, встречавшихся со Сталиным, — Франклина Рузвельта, Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Мао Цзэдуна, Энвера Ходжи, а также и некоторые книги Светланы Аллилуевой, изданные ею в эмиграции.

Я ознакомился с работами политических и идеологических оппонентов Сталина внутри страны — Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова, Томского и других. Все они были и соратниками, и учениками Ленина. Никто из них не считал себя «выдвиженцем» Сталина, как это не скрывали позже Каганович, Молотов, Ворошилов, Маленков, Жданов и иные, новые деятели, занявшие их место. В данном случае Сталин действовал в соответствии с древним законом диктаторов: люди, выдвинутые им самим, отличаются большей преданностью и не претендуют на первые роли.

Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, да и ряд других, в начале 20-х годов были более известны партии, чем Сталин. Фигуры Л.Д. Троцкого и И.В. Сталина в годы революции и гражданской войны были, например, просто несопоставимы по популярности в партии и народе. Тот же Троцкий вошел в историю как один из признанных вождей Октября, создателей Красной Армии, известный теоретик (к 1927 г. им был опубликован 21 том сочинений!). Этот энергичный политик, не обделенный талантом беллетриста, готовя свои труды, нередко кокетничал перед зеркалом истории, пытаясь оправдать свои притязания на лидерство в партии. Пожалуй, он был одной из революционных пружин в когорте вождей. Знакомясь с томами его переписки, я поражался, как Троцкий заботился уже в годы гражданской войны о том, что должно остаться о нем для истории. Апологетические письма Троцкому, записки, поступающие во время его многочисленных выступлений, списки дипломатов, добывающихся у него аудиенции, отзывы в печати о его шагах и действиях — все тщательно подшивалось и сохранялось. Троцкий был уверен, и не без оснований, что после смерти Ленина лидерство в партии должно перейти к нему.

Прямой или косвенной мишенью критических стрел Троцкого чаще других был Сталин. Правда, главная антисталинская литература была создана им после его изгнания из СССР. Известна характеристика Троцким Сталина как «наиболее выдающейся посредственности нашей партии». Впрочем, Троцкий, почти